

Екатерина Андреевна Асонова,
канд. пед. наук, заведующая
лабораторией социокультурных
образовательных практик НИИ
урбанистики и глобального
образования, Московский
городской педагогический
университет, Москва

Материалом для написания статьи стали несколько исследований, посвященных практикам чтения поэзии: детским, родительским, подростковым. В ходе этого исследования удалось зафиксировать несколько важных аспектов эволюции читателя поэтических произведений, а также состава такого чтения. Наиболее интересные наблюдения касаются мотивов поэтического чтения, а также его тематического спектра.

Ключевые слова: поэзия, детская литература, чтение детей, чтение подростков

Уважаемые читатели! Предлагаемая вашему вниманию статья вошла в коллективную монографию «Читатель в поиске», вышедшую в издательстве «Библиомир» в 2018 году.

Первый раздел монографии «...В ПОИСКЕ СЕБЯ» был представлен в содержании так:

«“Найти себя” – значит осознавать свои потребности, иметь личный мотив к чтению. В этот раздел вошли статьи, посвященные изучению читательских установок и предпочтений. В поле внимания исследователей попали установки родителей, читающих своим детям, практики семейного чтения, а также читательские интересы подростков и молодежи.

Одной из ключевых тем этого раздела стала поэзия – наиболее неизученные в антропологическом и рецептивном отношении читательские практики».

Какая поэзия хороша для детей и подростков¹

Нетривиальные вопросы детского и подросткового чтения так или иначе фокусируют внимание исследователей на выявлении критериев привлекательности тех или иных произведений для читателей. Под критерием привлекательности в данном случае понимается читательская установка: родительская (педагогическая) или собственно подростка – на получение того или иного эффекта от чтения. Для родительской установки, определяющей выбор произведения (издания) для чтения с ребенком, ведущим мотивом могут стать представления о воспитательном потенциале произведения (возможности использовать его для достижения воспитательного эффекта, например передачи представлений о морально-этических нормах, формирования у ребенка нужных взрослому речевых оборотов и этических формул), ориентация на получение эмоционального опыта, стремление расширить спектр эстетических и

¹ Статья выполнена в рамках проекта DFG-Kolleg-Forscherguppe FOR 2603 “Russischsprachige Lyrik in Transition: Poetische Formen des Umgangs mit Grenzen der Gattung, Sprache, Kultur und Gesellschaft zwischen Europa, Asien und Amerika” (Университет города Трир, Германия).

ЧИ ТА ТЕ ЛЬ В ПО И С КЕ

Читатель в поиске /
Под ред. Е.А. Асонов-
вой, Е.С. Романиче-
вой. – М.: Библио-
мир, 2018. – 356 с.;
8 л. илл.

Из предисловия:

Сквозной темой этого сборника стал поиск. Каждый читатель – немного исследователь, а иногда и кладоискатель. Начи-

нающий читатель ищет как будто в потемках: ему пока неведомы нужные маршруты и ориентиры, читатель продвинутый, напротив, старается найти темные, укромные литературные объекты, до сих пор скрывавшиеся от его внимания. Искать читателю приходится не только книгу, но и время для чтения, а иногда и нужного собеседника, с которым можно посоветоваться или обсудить прочитанное. Статьи филологов, антропологов, социологов, методистов и педагогов представляют довольно полную картину детского, подросткового и молодежного чтения.

языковых впечатлений и возможностей. Мотивы самостоятельного чтения подростков, как правило, бывают другими: поиск нужных слов для описания собственного состояния, переживания, потребность в сильных ощущениях, компенсация собственной беспомощности.

Поэзия, которую традиционно считают мало читаемой, занимает довольно значительное место в русском чтении и у детей (то есть читающих на русском языке родителей), и у подростков. По признанию русскоговорящих родителей и педагогов, живущих за рубежом, а также по ряду косвенных признаков (наблюдения в книжных магазинах и детских библиотеках), в русской традиции практики поэтического чтения значительно превышают аналогичные чтения в Германии или во Франции. Поэтические произведения достаточно широко представлены среди произведений, востребованных в круге чтения, и среди изданий, представленных на рынке: переиздаваемых произведений и создаваемых сегодня. Оговорюсь, что речь идет о читающей части населения.

Данная статья представляет результаты небольшого исследования, целью которого

стало изучение мотивов родителей и подростков, определяющих их поэтические читательские практики. Выбор исследуемых групп: родители (сюда вошли папы, мамы и бабушки, читающие детям) и подростки (то есть читающие самостоятельно молодые люди старше 12 лет) – определен рабочей гипотезой: в детской поэзии привлекательным оказывается ритмично-рифмованная форма сюжета (поэтические сказки Чуковского, Маршака, Михалкова), для подростка важнее художественная составляющая поэтического произведения. Постепенно определяя мотивы для чтения поэтических произведений, я старалась подтвердить или опровергнуть намеченную гипотезу. Так как методология исследования была выбрана антропологическая, то гипотеза претерпевала изменения в зависимости от полученных на каждом из этапов исследования данных.

Увидеть, услышать или произнести?

Еще до начала основного этапа исследования был проведен небольшой, но достаточно серьезный анализ рынка поэтических изданий для детей на предмет характера их визуального оформления: в отечественной практике иллюстрирование поэзии для детей и подростков сегодня является одной из ключевых тенденций развития этого сегмента книгоиздания, обнаруживает богатую традицию и широкие возможности современных художников-иллюстраторов (подробнее об этом я пишу в статье «Набор открыток ко дню рождения: современные книги, которые дарят стихи» в журнале «Детские чтения», номер 13 за 2018 год).

Однако визуализация поэтического произведения – это лишь один из возможных мотивационных ходов, привлекающих внимание к поэзии и являющихся по-своему

конкурентом ее звукового восприятия, в определенном смысле сужающим возможности его интерпретации. Для проверки предположения о том, что в поэтической читательской практике звучание занимает большее место, чем визуальная подача, оформление, был проведен первый экспресс-опрос: респондентам (взрослым людям) было предложено выбрать наиболее точное продолжение фразы «стихи полюбил, ...». Наибольшее число ответов собрал вариант об исполнительском чтении (актера, учителя, родителя), однако варианты ответов о самостоятельном чтении (вслух или «про себя») в сумме превышают это число практически в два раза: гипотеза об обязательном «звучании» поэтического произведения не подтверждается. Как и не нашла своего подтверждения гипотеза о том, что наиболее «верный» способ привлечь внимание к поэзии – знакомство с живым поэтом. В процессе этого опроса возникла тема песенной поэзии и выхода на чтение стихов через музыку, песенную культуру. Таким образом, исследовательский вопрос был не уточнен и детализирован, а напротив – сформулирован максимально широко: для получения ответов, в которых читатели максимально точно указывали бы собственные мотивировки чтения поэтических произведений, был предложен вопрос «какая поэзия хороша для детей?» и «какая поэзия хороша (нужна) подростку?».

Читать стихи с детьми: какие и зачем? Родительские читательские установки

Ответы на вопрос о том, чем может быть хороша детская поэзия, давали участники группы «Детские книги в круге чтения взрослых», основываясь на своих впечатлениях от чтения с детьми младше 10 лет. Анализ полученных развернутых ответов позволил выделить следующие характеристики поэтических произведений.

В первую очередь для детской поэзии важна игровая и абсурдистская стилистика, так как от поэтического текста в детском чтении в первую очередь ждут *«неожиданного взгляда на вещи»*. Для взрослого, читающего с ребенком стихи, наибольшей ценностью является совместное эстетическое переживание, порожденное удивлением, радостью открытия новых языковых возможностей. Видимо, именно этот ресурс поэзии – знакомство с художественны-

ми возможностями, выходящими за рамки привычного и понятного, является для читающих взрослых наиболее значимым для развития детей, а также отвечает ожиданиям от совместного чтения. Так, например, респонденты называли среди любимых авторов Ренату Муху, Тима Собакина, – *«за неожиданность взгляда»*. Галину Дядину – за возможность *«общего переживания»*, когда и взрослому, и ребенку по-своему интересно. В ответах родителей абсурдное становится практически синонимом смешного и *«хулиганского»*, оно ценно расширением границ допустимого, возможностью приобщить к тонким и не всегда точно определяемым художественным приемам игры с словами и смыслами, которые в быту не употребляются как неуместные или неудобные. Разрушение нормы (например, как в стихотворениях Маши Рупасовой о старушках) становится для совместного детско-взрослого восприятия основой культурного договора об отношении к эстетическим и этическим нормам. В регламентированном мире детско-родительских отношений, когда самым важным становится каждодневный баланс между установлением необходимых для безопасности и успешной адаптации в обществе рамок, ограничивающих поведение правилами, и обеспечением условий индивидуального роста (зоны ближайшего развития), общий опыт восприятия и обсуждения произведений искусства, имеющих абсурдистский характер, – едва ли не единственный способ понять друг друга и «договориться» о допустимом, об отсутствии деления мира на черное и белое, всегда правильное и всегда ошибочное, о подвижности границ.

Следующим значимым свойством хорошей детской поэзии взрослые читатели называли ее способность привлечь внимание читателя к тому, насколько поэтически насыщенной может быть обыденность. Так, респонденты признавались в любви к творчеству Вадима Левина и Валентина Берестова – за *«умение банальное сделать неожиданным, чувство юмора»*. Такое признание о стихотворении Вадима Левина приводит один из респондентов, чтобы пояснить свою мысль: *«Джо Билл» – стихотворение, в котором долго-долго рассказывается о том, кто такой Джо Билл и о его заслугах просто для того, чтобы в конце сказать, что он очень любил компот»*.

Становится очевидным, что установка на дидактическую составляющую в детской лите-

ратуре вообще и в поэзии для детей в частности, претерпела серьезные изменения: образовательный эффект видится не в возможности дать готовую формулировку о том, как поступать надо или не надо, а скорее в возможности читать *«стихи без морали, в которых есть нетривиальные рифмы, простой, а не упрощенный язык, система образов, понятная ребенку, отсутствие высокой педагогики – только возможность всматриваться в то, что рядом»* (это короткий отзыв о цикле А. Барто «Младший брат»). Выделяли и еще одно свойство этой образовательной составляющей поэтического детского чтения – огромный потенциал стихов Д. Хармса, Г. Сапгира, М. Рупасовой и многих других поэтов кроется в их способности *«учить удивляться»* и делать открытия: *«Топорыжкин» завораживал, я читала и поражалась тому, что со словами можно вот так вот делать. Это ни с чем не сравнимое открытие было»*.

Детская поэзия должна быть ритмичной: *«чтобы прыгал и повторял», «чтобы резонировало с телом, с движениями»*. На эту важную характеристику обращают внимание те взрослые, для которых стихи становятся неотъемлемой частью не только и не столько литературного становления детей, сколько общей культуры взаимоотношений, движений, игр, бытовых манипуляций. Этот аспект сближает поэтические авторские произведения с фольклорными речевками, потешками, прибаутками. Наверное, поэтому отдельно выделяли отвечающие произведения Корнея Чуковского, указывая на их уникальную характеристику – *«километры текста чудесным образом запоминаются»*. И это немаловажное свойство именно детских стихов, которые бывают нужны взрослым не только во время чтения, но и в минуты, часы ожидания, рутинной работы и т.п.

Ритмичность и запоминаемость, по моему, очень близки с еще одной характеристикой, которую респонденты назвали *«чистый звук»*. Для стихов (да и не только для них), которые приходится читать вслух людям самых разных профессий, способностей, читательского опыта, очень важно быть такими, чтобы они читались «легко», как будто бы сами собой складывались на языке.

Результаты опроса показали, что неожиданные повороты сюжета, эмоциональный отклик, описание личных переживаний отмечались как свойства поэзии для тех, кто переходит к самостоятельному чтению, то есть для тех,

кого правильнее в читательской возрастной маркировке назвать «читатель-подросток».

Определение возрастных границ чтения – довольно сложный и не имеющий однозначного ответа вопрос. Поэтому удобнее ориентироваться не на паспортный возраст читателей, и даже не на привычные психологические границы подросткового возраста, а на переход читающего человека от опосредованного чтения к самостоятельному. На постепенное освоение практик самостоятельного чтения и перехода к читательской стратегии.

Почему подростки читают поэзию?

Исследование поэтических предпочтений подростков проводилось двумя способами: уже привычным методом опроса участников группы «Детские книги в круге чтения взрослых», в котором они опирались как на собственный подростковый опыт чтения стихов, так и на свои наблюдения за тем, что читают их дети подросткового возраста. Отвечавшие на вопросы о подростковом чтении взрослые люди чаще всего говорили о собственном опыте чтения в этом возрасте, лишь некоторые из респондентов смогли поделиться своими наблюдениями о том, что читают их дети сейчас в подростковом возрасте. Принципиальных различий в поэтических практиках разных поколений выявить не удастся, кроме тех, что обусловлены развитием технологий (появление сетевой поэзии, например).

В первую очередь, респонденты отмечали, что чтение поэзии актуально для подростка, если *«каждый текст про меня»*. Из играющего в стихотворные произведения читателя вырастает «лирический» читатель, чутко реагирующий на описание эмоций, воспринимающий стихи сквозь призму личных переживаний, ищущий в поэтических строках слова о себе: *«Похоже, читала поэзию именно для того, чтобы найти красивые сильные слова для выражения своих чувств, эмоций, своей жизни»*; *«Блок нравился за чувства – он лучшие всего передавал мои чувства некой любви ко всему»*; *«Совсем не или поэты типа Мандельштама, это было совсем не мое и не обо мне»*. Этот мотив отнесется к довольно большому списку авторов: от Пушкина, Серебряного века, Цветаевой до Вознесенского. Интересными, хотя и очень ожидаемыми, были признания о том, что тематически поэзия привлекала трагизмом, описанием смерти: *«интересовало описание смерти, было*

почему-то близко по внутренним ощущениям и поискам»; «нравилась романтичность, надрыв, отличность от “обычной” жизни, тонкость и хрупкость какая-то»; «читала много разных, поймавших и зацепивших образами ли, красотой звука, трагизмом. Потом это же иногда казалось чрезмерным и надрывным. Например, лет в 16 меня поразило стихотворение Г. Поженина “Я другое дерево”». Достаточно большое число отвечавших отметили особое свойство подросткового чтения – потребность в «моральном компасе», приводились примеры из Р. Киплинга, Р. Стивенсона, В. Шекспира и др.

Особое место в самостоятельном чтении тех, кто старше 12 лет, занимают баллады, поэтические произведения, в которых есть история, сюжет: это уже названные Киплинг и Стивенсон («Вересковый мед»), а с ними Гумилев, Высоцкий, Асадов). Интересно, что сюжетность и нарративность с взрослением читателя только набирают значимость в поэтической практике: «в этом возрасте зачитывалась балладами Льва Ошанина».

Имеет значение и художественная насыщенность поэтического слова, однако интерес естественным образом смещается в сторону способов выражения эмоций: «русский верлибр загружал до пороссячьего визга... старинная китайская и японская поэзия». Столь привлекательный для детского чтения абсурд, словесная игра называются респондентами крайне редко, на смену им приходит песенная поэзия авторской песни, рок-поэзия. Респонденты отмечают, что довольно часто увлечение поэтическим творчеством начиналось с знакомства с песнями: «началось с Окуджавы и всего, что пели Никитины...»; «Ирония судьбы» помогла открыть Цветаеву, Пастернака. От Цветаевой к Белому, от Белого к Чёрному. Сидела в

читальном зале, так как книг на абонементе не было, и переписывала в тетрадь. Вообще, когда заинтересовалась поэзией более-менее системно (классе в 6–7-м), переписывала в тетрадь из разных авторов то, что было “моим”». Эта цитата из ответа одной из участниц опроса рассказывает еще об одной гендерно окрашенной особенности практики поэтического чтения – переписывание стихов в тетрадь. Традиция, насчитывающая не одно столетие, по-видимому, жива до сих пор и связана не только с невозможностью найти тексты в книге, а с потребностью в присвоении – многие респондентки говорят о том, что учили стихи наизусть. На гендерные различия указывает и неоднократно повторяющееся определение «женская поэзия», относимое к творчеству Ахматовой и Цветаевой. Для маркера мужского подхода к выбору поэтических текстов звучит: «не похоже на школьную», «искал самостоятельно», «поэзию не любил, но зацепил сюжет», среди авторов называются Маяковский, Бродский и Пушкин.

Сопоставление данных двух опросов позволяет судить о том, что уже к двенадцати годам читатель приходит к вполне «взрослой» поэзии, ищет своего лирического героя: «если говорить о подростках, то им нужна поэзия романтическая, балладная, сюжетная, на грани с романсом. Такая, которая кажется им красивой и как бы “на вырост” – создает ощущение, что они уже читают не детские стихи, а что-то взрослое, что в то же время понятно». Наиболее явно прослеживается мотив взрослости, поиска себя в этом мире, а значит бессознательного отказа от обыденной тематики (не звучали в ответах респондентов имена поэтов, пишущих на школьную тематику, выбирающих своим героем школьника).

**Список поэтических сборников современных авторов,
чьи имена называли участники исследования
как наиболее интересные для детей**

- *Марина Бородинская*. Последний день учения. М.: Нигма, 2015. (Серия «Старые друзья»). Худ. В. Иванюк.
- *Марк Вейцман*. Обычная драка. М.: Самокат, 2014. (Серия «Поэтическая серия»). Худ. И. Иванова.
- *Дарья Герасимова*. Азбука превращений. М.: Лабиринт, 2017. (Серия «Детская художественная литература»). Худ. Д. Герасимова.
- *Артур Гиваргизов*. Когда некогда. М.: Эгмонт, 2017. (Серия «Пестрый квадрат»). Худ. И. Дешалыг.
- *Галина Дядина*. Я люблюсь человеком. Стихи для детей. СПб.: ДЕТГИЗ, 2018. Худ. Н. Лотарева.
- *Михаил Есеновский*. Вкусный Юра. М.: Эгмонт, 2018. (Серия «Пестрый квадрат»). Худ. Ю. Скоморохов.
- *Анна Игнатова*. Королевство М. М.: ГРИФ, 2012. Худ. А. Вотякова.
- *Вадим Левин*. Глупая лошадь. Самые новые старинные английские баллады. М.: Октопус, 2015. (Серия «Радуга-дуга»). Худ. С. Калачев.
- *Вадим Левин, Рената Муха*. Между нами. М.: Октопус, 2017.
- *Виктор Лунин*. Музыка. М.: Нигма, 2015. (Серия «Старые друзья»). Худ. Н. Битси.
- *Сергей Махотин*. Я видел директора в тапках. СПб.: ДЕТГИЗ, 2014. (Серия «Первый звонок») Худ. Н. Борисова
- *Юнна Мориц*. Крыша ехала домой. М.: Время, 2017. (Серия «Время – детство»). Худ. Е. Антоненков.
- *Рената Муха*. Ужаленный уж. М.: Махаон, 2015. (Серия «Веселые строчки»). Худ. Е. Антоненков.
- *Анастасия Орлова*. Обожаю ходить по облакам. М.: Эгмонт, 2018. (Серия «Пестрый квадрат»). Худ. Т. Макарова.
- *Маша Рутасова*. С неба падали старушки. М.: АСТ, 2015. (Серия «Манюня и другие»). Худ. Ю. Сомина.
- *Юлия Симбирская*. Наперегонки. М.: Октопус, 2017. (Серия «Радуга-дуга»). Худ. Е. Костина.
- *Вячеслав Лейкин*. Привет от носорога. СПб.: ДЕТГИЗ, 2014. (Серия «Последний звонок»). Худ. О. Корсунов.
- *Тим Собакин*. Из переписки с коровой. М.: Эгмонт, 2017. (Серия «Пестрый квадрат»). Худ. З. Сурова.
- *Михаил Ясн*ов. Мамонт, папонт и остальные. М.: Эгмонт, 2017. (Серия «Школа прикола»). Худ. Е. Блинова.